

18+ Ольга Лемановская

Сокровища Креста

Ольга Лемановская
Сокровища Креста

«Издательские решения»

Лемановская О.

Сокровища Креста / О. Лемановская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510668-1

Вика Максимова, одинокая москвичка, привыкшая к спокойной жизни, приезжает на похороны своего родственника в деревню. Долгое время тот пытался разгадать тайну своего деда, православного священника, но странная, скоропостижная смерть останавливает его. Вика решает во что бы то ни стало разгадать старую семейную легенду. Ей удаётся вычислить местонахождение тайника, спрятанного её прадедом в двадцатые годы. Чтобы проверить это, ей на помощь приходят родственники. Тайник оказался не пустым...

ISBN 978-5-00-510668-1

© Лемановская О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сокровища Креста

Ольга Лемановская

© Ольга Лемановская, 2020

ISBN 978-5-0051-0668-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Дед, ну помоги же мне! Дай мне знак какой-нибудь! Ведь не просто так монах вокруг нас кружит! Что он ищет? Подскажи! – стоя в самом центре разоренной церкви, Василий оглядывал полуразрушенные стены. Подняв голову, он долго смотрел на лики святых, смотрящих на него с ещё сохранившихся фресок высокого свода храма. Как молитву он мысленно проговаривал свою просьбу много раз, словно надеясь на чудо. Царящая вокруг тишина уже стала давящей, когда он услышал резкий звук шуршащего камня сзади.

Резко развернувшись, Василий прямо перед собой, метрах в двух, увидел отца Николая. Монах стоял прямо и молча смотрел прямо в его глаза.

– Лёгко на помине! Знаешь, кого так поминают? Чёрта! Ничего от священника в тебе нет! Может, кого то ты и сможешь обмануть, только не меня! – Василий говорил зло, кидая резкие фразы в застывшее, бледное лицо монаха. Николай продолжал страшно молчать, напряженно смотрел прямо в зрачки возбуждённого мужчины, давил, дожимал его взглядом. Василий, упрямо, смело смотрящий на него в упор, вдруг почувствовал неприятную, нарастающую боль в спине, поморщился, пошевелил плечами, как будто пытаясь скинуть с себя плохое. Но боль не отступила – затопила всю грудь, стало тяжело дышать, зрачки Василия дрогнули и он почувствовал, как невыносима эта пытка для его сознания. Пошатнувшись, он схватился за воздух, пытаясь удержаться, но не смог. Уже падая на осколки каменной крошки, ковром устилающей весь пол церкви, подумал: – Как больно! Почему так больно?

А через несколько мгновений, взлетевшая далеко под свод храма, туда к ликам святых, душа смотрела на своё, лежащее на спине, тело, с неловко подвёрнутой левой ногой и раскинутыми в разные стороны руками, такое маленькое и беззащитное с этой большой высоты, а рядом черную фигуру в длинных темных одеждах. И вот черный человек метнулся тенью в светлый проём и исчез, а, лежащий одиноко, Василий остался, смотря вверх застывшими, открытыми глазами.

Глава 1

...Она опять летала во сне, кожей ощущая прохладную высоту. Далеко внизу, под пушистыми кружевами облаков, проглядывала земля, но она почему-то совсем не боялась этой высоты. Она всё старалась разглядеть, что же там внизу и постепенно начала снижаться. Земля приблизилась неожиданно, ей уже было видно всё до мельчайших деталей. Чётко просматривались верхушки темных елей и светлых берёзок. Деревья стояли неплотно друг к другу, и между ними было много странных холмиков, поросших травой и мелким кустарником. Она все снижалась и вдруг на одной прогалине увидела большой, покосившийся крест, а на соседнем холмике крест был повален... Она летала над заброшенным кладбищем...

В следующую секунду, резко вздрогнув всем телом, Вика проснулась. Опять этот сон! У неё в горле ещё стоял липкий комок страха, на лбу выступили холодные бисеринки пота. Она судорожно сделала первый глубокий вдох и открыла глаза. Этот сон был ей знаком, в последнее время он часто посещал её, но заключительные аккорды его всегда пугали Вику до смерти.

Больше всего в жизни она боялась похорон, покойных и кладбищ. Этот страх был с ней давно, с детства. Вика уже не помнила, что же её напугало, но это стало уже настоящей фобией, поэтому этот повторяющийся сон был настоящей пыткой для неё.

Господи, ну почему эта жуть преследует меня! И к чему такое снится? Летать во сне – это вроде хорошо? Или это подсознание так со мной играет? Но для чего? Вика постаралась глубоко и ровно дышать, приступ паники постепенно отступал, и она проснулась окончательно. Полежав немного в уютной тишине темной комнаты, Вика взглянула на часы. Те безжалостно показывали 6.15. Ну вот! Ещё можно было спать и спать! Может повалиться ещё? Да нет, уснуть после этой жути уже не смогу! Придётся вставать. Она быстро села на кровати, встряхнулась всем телом, как мокрый пёс, безжалостно разогнав последние сонные пути – сегодня новый день начался пораньше! Вика не умела долго расстраиваться. А сделаю ка я себе какой-нибудь вкуснейший завтрак! Надо же подбодрить себя немножко! Да и одеться сегодня поизящнее! А то всё джинсы и джинсы. Мысли Вики устремились к работе. Ведь там она увидит ЕГО... И может ОН даже скажет её что-нибудь приятное... Вика мечтательно вздохнула, настроение резко пошло вверх, и она, напевая какую-то дурацкую песенку, направилась в свою маленькую, уютную кухню.

Она обожала готовить. Двигалась ловко и плавно по кухне, как бы танцуя, одной рукой доставая продукты из холодильника, другой нажимая кнопку кофеварки. Через десять минут перед ней дымилась большая чашка капучино и небольшая горка хрустящих сырных трубочек, политых тонкой струйкой мёда... Когда последняя трубочка растаяла во рту, тишину дома разорвал телефонный звонок. После такого завтрака мне будет трудно испортить настроение – подумала Вика, направляясь в холл. Телефон трещал городской – значит, это может быть только мама!

В большом зеркале, закрывшем почти всю стену, отразилось розовощекое существо в симпатичной шёлковой пижамке яркого изумрудного цвета, с рыжими беспорядочными кудрями и яркими зелёными глазами. Вика построила своему отражению смешную рожицу и подняла трубку... Сначала послышались какие-то завывания, потом всхлипывания и наконец, прорезался, конечно, мамин голос.

– Доченька! Какой ужас, ужас! Что мне делать?! Мне плохо! Моя голова! Слушая мамин причитания, Вика молчала и ждала, когда на том конце провода маленько очнутя и скажут что-нибудь членораздельное. Минуты три спустя последовал вопрос —

– Ты меня слушаешь?

– Конечно, мам! Что случилось? Давай по порядку! – Это было почти обычное начало их телефонного разговора, да и не по телефону тоже, с тех примерно пор, как Вика стала само-

стоятельной. А так как ей месяц назад исполнилось 32, то лет этак восемь. Её мама всё принимала близко к сердцу, но очень часто проблемы были быстроразрешимыми или надуманными. За эти годы дочь научилась слушать «нужными кусками», вот и сейчас Вика слушала вполуха.

Калерия Викторовна, а именно так зовут маму Вики, говорила громко, быстро и надрывно о каком-то Васе, который живёт где-то там, и что с ним случилось что-то там. Здесь Вика пропустила, что именно, А Калерия Викторовна вдруг сделала долгую паузу и тихо спросила: – Что же делать, доченька?

Вика от неожиданного тихого голоса матери растерялась и, на свою голову, быстро ответила

– Не волнуйся, мам! Что-нибудь придумаем!

И только потом поняла, как она прокололась. Дело в том, что Вика уже давно от какого-то очень умного человека услышала одну фразу, которая засела в её голове навечно – «Не делай, не говори и не думай, то, что тебя не просят!» А запомнила она эти слова потому, что долго не могла её полностью осознать и поняла окончательно только после того, как получила на свою голову кучу проблем из-за того, что сама предложила помощь одной своей подруге и оказалась потом виноватой неизвестно в чём, но та подруга перестала быть её подругой навсегда. Эта сложная композиция мыслей быстрой строкой пробежала в голове Вики, но было уже поздно....

Мама вцепилась в неё мёртвой хваткой.

– Доченька, правда? А что можно придумать – я поехать не смогу, ты же знаешь! На кого я оставлю Чипочку (так зовут мамину любимую кошку), ну на кого? А мои цветы? Я не представляю как они без меня. А что может и правда, тебе поехать? Как ты хорошо придумала!

Вика пыталась вставить хоть слово в тираду матери, абсолютно безрезультатно, но зато стала слушать очень внимательно и поняла, что попала на этот раз очень круто. Вася, оказывается, умер, царствие ему небесное, что-то там с ним странное случилось – эта информация пока не восстановилась в Викиной голове. Он оказался нашим дальним родственником по маминой линии, жил в какой-то не очень далёкой деревне, но самое главное, именно ей придётся ехать представителем их семьи на похороны, которые будут уже через два дня! Ужас ночи быстро начал своё преследование уже наяву и к ней, как то сразу пришло понимание, к чему снился этот проклятый сон.

– Мам, ну что страшного случится, если никто не поедет? И потом, я совсем не знала его! Ты можешь сказать, что плохо себя чувствуешь, а меня не отпускают с работы. – Вика судорожно пыталась переубедить мать.

– Ты же знаешь, что для меня это будет настоящим кошмаром! Ну, какая от меня поддержка и помощь? Им еще меня придется на себе тащить! – Вика продолжала ныть, уже мало на что надеясь. Но что здесь началось! Как говорится, легче согласится, чем спорить!

Калерия Викторовна была негибаема.

– Доченька, бабушка Агафья очень хочет, чтобы ты приехала. Уж очень боится, что не успеет повидать тебя. Она же очень старенькая уже. Ну, как-нибудь продержись! А я договорюсь, чтобы ты ночь перед похоронами провела в другом доме! Мама уже взяла быка за рога, и Вика безнадежно опустила плечи.

Её спокойный мир рухнул в один момент! Теперь срочно на работу, отпроситься, сделать всё самое срочное, чтобы без меня не зашились, собраться в дорогу, купить билеты. Еще узнать надо у мамы, куда! Снять деньги с карты! В этом захолустье, скорее всего, нет банкоматов, да и банков тоже. Да, лет пять я так не попадала!

Глава 2

Москва была ещё полусонной. Сумасшествие птиц немного разбивали троллейбусы с двумя-тремя пассажирами. Утро было солнечным и прохладным. На работу Вика пришла первой. Их пустой офис выглядел совсем по-другому. Сумрак основной большой комнаты делал его таинственным и немного нереальным.

Их фирма занималась разработкой и производством всяких оригинальных канцелярских прибамбасов и сувениров, причём очень успешно. Вика работала здесь уже шесть лет. Начиная рядовым сотрудником на телефоне и на подхвате, но постепенно выросла до начальника отдела. Она знала все тонкости и детали своей работы и очень любила это место. Включив свет сразу во всех помещениях, она прошла в свой маленький кабинет. В этой небольшой комнатке, с огромным, почти во всю стену, окном, Вика чувствовала себя, как дома. Всё здесь она подстроила под себя. Вместо громоздких шкафов разместила на стенах полки. Расставила по ним папки и их, самые удачные, фирменные безделушки, а низкий широкий подоконник превратила в уютный диванчик, устроив на нём поролоновый матрасик, обтянутый яркой, в широкую полоску тканью. Сверху устроила несколько красивых мягких подушек. Любой, кто первый раз заходил к ней, неизменно начинал улыбаться, а так как Вика отвечала здесь за работу с клиентами на первом этапе, это всегда очень помогало.

Один за другим стали подтягиваться остальные сотрудники. Офис ожил, наполнился голосами, хлопаньем дверей, звукамидвигаемых стульев, трелями мобильных – рабочий день начался. В открытую дверь её кабинета заглянула светлая голова Ляльки.

– Ты чё, не уходила что ли? – Лялька работала у них четыре года. За плечами у этой яркой блондинки было художественное образование, изумительный вкус и прекрасное чутьё. Она была ведущим дизайнером в группе Вики. Очень легко находила общий язык с заказчиками, и её эскизы всегда одобрялись ими с первого раза. Молодая, сексуальная, немного взбалмошная, она в свободное время обожала тусоваться, любила быть в гуще событий, ходить в кино, и делать это всё желательно в большой компании. Вообще, полная противоположность Вики. Та никогда не скучала одна, обожала свою маленькую, но уютную квартирку, которая ей досталась от бабушки, матери отца, в наследство. Любила смотреть кулинарные шоу, читать книги и готовить всякие вкусняшки. Именно последнее и свело этих абсолютно разных девушек. Вика не только готовила, но и очень любила угощать своими кулинарными шедеврами, а Лялька обожала это всё поглощать и всегда находила правильные слова похвалы для своей подруги. Как любые девчонки, они любили поболтать обо всём, знали друг про друга разные секретки. Несмотря на свою внешнюю взбалмошность Лялька была доброй, доверчивой и отзывчивой и никогда не подводила Вику.

Ловко усевшись на край стола, закинув ногу на ногу, она засверкала голыми коленками в дырках модных джинсов и молитвенно сложила руки.

– Викуль! Пошли сегодня в клуб! Там сегодня одна группа играет, там такой гитарист! – Лялька в экстазе закатила свои ярко накрашенные глаза. Вике сразу стало весело. Она всегда поражалась неистребимому оптимизму подруги.

– Опять влюбилась, неугомонная ты наша?! Лялька, ты не исправима!

– Ты не представляешь какой он! А как играет! Такой чёрненький, глазастый! А харизма! Чума просто! – Лялька сделала умоляющие глаза кота в сапогах – как у неё это получается, Вике было совершенно не понятно.

– Хотя тебе, конечно, вряд ли понравится! Тебе же больше в очках нравятся! – Лялька смешно свела глаза к переносице и поправила указательным пальчиком несуществующие очки, явно намекая на мужчину её мечты. Вика возмущённо запулила в неё маленького плюшевого дракончика, который стоял у неё на столе. Этих милых цветных зверюшек заказала у них одна

фирма к Новому году. Они получились ужасно милыми и весь их дружный коллектив разобрал всех бракованных. Лялька ловко поймала дракончика и весело чмокнула его в макушку. По её же эскизам делали!

– Ну правда! Пойдём, а? Ты уже вторую неделю никуда не вылезает! А на дворе, между прочим, лето! И дожди вроде кончились! – Лялька не успокаивалась. Её способность быть по утрам в прекрасном настроении часто спасала Вику от утренней хандры, но не в этот раз.

– Не получится, Ляль! У меня горе! У нас умер родственник, и я завтра утром уезжаю в деревню! На похороны! – И Вика пересказала подруге весь утренний разговор с матерью. Лялька в ужасе округлила голубые глаза – она, конечно, знала о Викиной фобии.

– Как это? Ты же сама там откинешься, не дай бог!

– Вот, вот! А еще мне последнее время постоянно снится какой-то странный сон! Будто я летаю, постепенно спускаюсь, а там кладбище заброшенное! – У Ляльки глаза стали еще больше, и она передёрнулась.

– Кошмар какой! И что, правда, поедешь?

– А что делать? Мама говорит, бабушка там хочет очень на меня посмотреть! Буду выкручиваться как-то! Нашатыря с собой возьму побольше!

– И как же ты им воспользуешься, интересно? Если грохнешься, а? И работа как же? – Лялька, наконец, стала серьёзной, уж очень беспокоилась за подругу. Хотя та изо всех сил пыталась держаться бодренько, но у неё это не очень получалось.

– С работой вроде нормально! Хорошо, что лето, работы мало! Сегодня сделаю всё самое срочное! И пойду отпрашиваться!

– А ты знаешь, что главного сегодня не будет? Но Иван на месте! Так что, давай, подруга, дерзай! – И Лялька, наклонившись, потрясла Вику за плечи.

Иван был замом, и, по совместительству, мужчиной её мечты. Осознала Вика это неожиданно, но достаточно предсказуемо, на одном корпоративчике, который случился два года назад. Их фирма отмечала успешное выполнение одного очень большого и сложного заказа. Клиенты остались очень довольны, и сотрудники получили хорошие премии. Праздновали весело, шумно, со столами, ломившимися вкусностями, и, конечно, с музыкой. Иван, как бы случайно пригласил её на медленный танец, легко придвинул к себе, уверенно, по мужски. И был так близко... Вика почувствовала его терпкий, приятный запах и вдруг поплыла. Пока они танцевали, её казалось, что и он почувствовал что-то необычное. Правда, потом, немного успокоившись, она решила, что ей это всё показалось. Но с тех пор Вика всегда начинала теряться в его присутствии, как неопытная девчонка. Но может, так оно и было. Чего, чего, а опыта в этих делах у Вики было маловато. Только один раз у неё случились серьёзные отношения, она даже чуть замуж не выскочила. Молодые люди начали жить вместе. И парень был симпатичным. Но при ближайшем рассмотрении оказался совсем маленьким, и каким-то инфантильным маменькиным сыночком, требующим очень много заботы и ничего не отдающим взамен. И Вика перестала принимать мужчин всерьёз, пока не разглядела Ивана. После той вечеринки, он всё больше ей нравился. Высокий, темноволосый, взрослый, он поглядывал на неё из-под очков своими серыми, с прищуром, глазами, и она сразу теряла почву под ногами. Ей всё трудней было не нарушать субординацию, тем более, что атмосфера в их коллективе была больше дружеской, чем официальной. Подойдя к его кабинету, она собралась, набрала побольше воздуха и два раза стукнула кулачком по двери...

– Иван, можно к тебе? Или потом?

Иван стоял около окна, разговаривал по телефону. Услышав стук, развернулся, увидел Вику, замахал свободной рукой, чтобы заходила. Он уже договаривался с новым клиентом о встрече и заканчивал разговор. Всё это время смотрел на Вику в упор, чем немало её смущал. Опять краснеет! Ему очень нравилась эта её способность быстро краснеть. Его бабушка всё время шутила в детстве, что если человек умеет краснеть, значит, у него есть совесть! Говорить

ей это приходилось частенько. Иван в детстве был очень шептунным, но когда его начинали отчитывать родители за его очередную проделку, всегда краснел и опускал глаза. И бабуля пыталась его защитить. Иван всегда удивлялся, что эта рыженькая, маленькая девочка вызывает в нём эти приятные семейные воспоминания, и поэтому кажется совсем родной. А ещё его к ней тянуло... И я ей нравлюсь, это точно....

– Проходи, Вик! Что у тебя?

– Да понимаешь, у меня умер родственник, и мне нужно ехать на похороны! Всего на несколько дней!

– Прими мои соболезнования! Поезжай, конечно! Ты только скажи, может тебе какая-то помощь нужна? Или деньги? – Иван всерьёз обеспокоился за неё, ему всегда казалось, что она маленькая, незащищённая и ему очень хотелось её защитить. Иногда ему приходилось наблюдать Вику в работе, и тогда он поражался, как она легко, но в то же время, как-то мило справлялась с очень сложными клиентами. Умом он понимал, что она далеко не беспомощна, но с ним она всегда терялась. И ему это страшно нравилось. Он как-то незаметно оказался совсем близко, руки сами потянулись обнять её за узенькие плечики, и он силой воли остановил их, засунув глубоко в карманы джинсов.

– Нет, нет! Всё нормально, ничего не надо! – Забормотала Вика, ещё больше краснея.

– По работе я всё подготовила, чтобы не было простоев! – Уже лепетала она, а он смешно наклонил голову на бок, пытаясь заглянуть в её глаза.

– Да, не переживай ты так! За несколько дней ничего не случится. И если всё-таки что-то понадобится, сразу звони мне! Хорошо?

– Хорошо! – Пролепетала Вика, подняв, наконец, голову и взглянув на него.

– Я пойду! Ещё много дел! Спасибо тебе! – Она медленно развернулась и выскользнула за дверь кабинета.

Иван проводил её грустным взглядом и тяжело вздохнул, но она этого уже не слышала. Ну, вот что это? Детский сад какой то! Развернувшись, он направился к своему столу. Усевшись в своё любимое кресло, закинул ноги на стол, а руки за голову. Нет, с этими играми пора заканчивать! Два года бегает от меня, как маленькая! Вот приедет, поговорю с ней в открытую!

Иван был разведен уже три года. Женился он рано, постепенно юная влюбленность прошла и молодые разбежались, но на свет появилась дочь Полинка. Его красавицу-дочку все в офисе знали и любили.. Она была очень живой, общительной. Ей совсем недавно исполнилось 10 лет. Девочке больше всех здесь нравилась Вика и они всегда находили о чём поболтать. А когда выяснили, что у них дни рождения в одном месяце, только с разницей в три дня, Полинка придумала устраивать совместную вечеринку в офисе. На последний совместный день рождения Вика наколдовала роскошный стол, но самым потрясающим сюрпризом стал роскошный двухярусный шоколадный торт. Полинка так визжала от восторга, что мужчинам пришлось прикрывать уши. Это было всего месяц назад. Иван опять вспомнил, как Полинка с Викой смеются чему-то, у обоих в руках блюда с тортом, дочь уже вся перемазана кремом.... Было так славно и тепло... Дурочки мои!

Глава 3

Калерия Викторовна суежилась на кухне, ждала дочь – Вика должна была заехать после работы. Надо ребёнка накормить и, хоть как-то, ввести в курс дела. Билет на автобус для дочери она уже купила, напекла печенья с начинкой – Вика его с детства обожала. Ну и конечно собрала немного гостинцев для деревенских родственников. Калерия имела неугомонный характер и не любила сидеть сложа руки. В ожидании дочки она решила навести блеск в квартире и поухаживать за цветами. Маленькая, кругленькая, с каштановой пушистой головой, она носилась по комнатам с маленькой специальной леечкой и поливала своих многочисленных и любимых зелёных питомцев. Когда Калерия вышла на пенсию, она очень увлеклась цветоводством, читала все журналы по этой теме, следила за лунным календарём и даже состояла в каком-то клубе. В свои 64 она была очень живой и молодой.

На роскошном, мягком, светлом диване, на пушистой подушке восседала красивая трёхцветная кошка. Левая сторона мордочки была белой, а правая рыженькой, Надбровья выделялись черным, она сидела красиво подогнув передние лапки и снисходительно и, даже немного свысока, наблюдала за передвижениями своей суеливой хозяйки красивыми зелёными глазами. Из них двоих, Чипа считала себя самой умной, рассудительной и спокойной. Наверное, так оно и было.

Когда то, её маленьким пушистым комочком, который легко устраивался на ладони, принесла в этот дом Вика. И Чипка преданно любила обеих хозяек. Отец Вики умер двадцать лет назад, и мать с дочкой остались вдвоём. Вика училась, Калерия работала. Жили хорошо, дружно, не очень богато, но и не бедствовали. Когда умерла бабушка, мать отца, Вике уже было 23 года. И она решила, что пора жить отдельно. Они справили неплохой ремонт в маленькой бабушкиной квартирке и Вика съехала из родительского дома. Когда дочь переехала, Калерия Викторовна сначала затосковала и чуть было не заработала депрессию. Но Чипка этого не допустила. Она встречала Калерию с работы, стала вдруг очень требовательна к еде, ходила за хозяйкой хвостиком, пела её на ухо свои кошачьи песни ночи напролёт... И шкодила понемногу – несколько раз обрывала шторы, обдираала обои в спальне и прихожей... Калерии тосковать стало некогда. Она думала, что Чипка очень переживает отъезд дочери и вызывала Вику. Та приезжала, видела абсолютно довольную и хитрую кошачью мордашу, и иногда ей даже казалось, что Чипка ухмыляется. Месяца через два кошачий бунт прошёл и Калерия вздохнула спокойно. Нашла себе хобби, стала чаще встречаться с многочисленными подругами и знакомыми и никакой тоски. Не забывала она и о своих, уже немногочисленных родственниках, даже ездила один раз к ним Балуево. Взяла с собой Чипку конечно, хотела, чтобы та побегала по травке. Но кошка всю дорогу так орала в своей перевозке, что на них постоянно шикали и недовольно косились. Калерии было очень не удобно, но она никак не могла успокоить свою любимицу.

Вика пришла около семи, открыла дверь своим ключом. Чипка молнией метнулась в прихожую, как будто и не спала только что.

– Мам, привет! Как вы тут? Скинув кроссовки, взяла на руки пушистую кошачью тушку. Калерия бросила свою лейку, вышла навстречу.

– Привет, доченька! О, Чипка уже подсуежилась! Калерия поцеловала дочь.

– Пошли на кухню, будем тебя кормить! Билет я тебе уже взяла, тебя встретят, и сначала будешь у деда Захара. Калерия сразу начала посвящать дочку в курс дела.

– У нас там остались теперь только трое родных, дед Захар, он мой двоюродный брат, а тебе получается приходится двоюродным дядей! Бабушка Агафья, и ещё там есть Сашка, он племянник Захара. Хороший парнишка.

Вика слушала маму, сидя за кухонным столом и уплетая за обе щёки, пообедать сегодня ей не удалось.

– Я, доченька, уже им позвонила, гостинцев им собрала немножко! Колбаски вкусной, да конфеток московских. Так что ждуть тебя. Ох, я бы сама с удовольствием поехала бы! Тебе там понравится! Увидишь!

– Мам, ну что ты говоришь, как мне может понравиться? Ещё похороны! Бррр! Ладно, не уговаривай! Я уже настроилась, какнибудь переживу! Печенье, мам, обалдеть!

– А я доченька достала семейный старый альбом, посмотришь хоть, какие они! Калерия тщательно собирала и хранила старые фотографии. И пыталась увлечь историей семьи свою дочь.

Пужинав, женщины устроились на диване. Чипка устроилась рядом с Викой, уютно свернувшись калачиком. Калерия открыла большой, тяжёлый фотоальбом. Фотографии были в основном старые, пожелтевшие, кое-где потрескавшиеся. Многие в красивых светлых рамках с ажурными, иногда отломанными краешками. На первом листе расположилась большая старинная фотография Викиного прадеда и прабабки. Крупный бородатый священник с большими, пронзительными светлыми глазами сидел на стуле с высокой резной спинкой, а его матушка стояла возле. Рядом с ним она казалась совсем хрупкой, лицо было таким светлым и открытым, что даже платок не мешал. Его звали Авдей Захарович, а её – Анна Ивановна. Калерия очень гордилась, что она из семьи потомственного священника. Если бы не революционные идеи, бродившие в начале 20 века, то и её отец был бы священником. Викин дед родился уже в двадцатые годы, в стране были гонения священнослужителей, церкви повсеместно разрушались, отдавались под склады, больницы, под колхозные конторы и даже под скотные дворы. Советская власть боролась с церковью отчаянно, называла веру мракобесием, этой власти мало было умов простых людей, она претендовала и на их души. Так история страны изменила судьбу их семьи. Уютно устроившись рядом с матерью, Вика, хоть и не в первый раз, но с удовольствием рассматривала эти фотографии и слушала мамин рассказ. Она уже знала, что в семье Авдея родились мальчик и девочка. Мальчик был её дедом, он умер давно и Вика его не знала, но его фотографии тоже были здесь. А девочка так и жила в Балуево, где был настоятелем храма её отец. Её сейчас было 86 лет, но по словам мамы, она ещё была очень крепкой старушкой. Калерия дошла до фотографий Агафьи Авдеевны. Здесь были снимки её молодой и старой, но больше всех Вике нравилась её свадебная фотография – Агафья в смешном белом платье с огромной фатой и её молодой муж в военной форме. Они поженились после войны. Вика долго её рассматривала, находя всё новые детали. Калерия её не торопила. Были здесь и фотографии Василия, он был единственным сыном Агафьи. На них смотрел молодой угрюмый мужик, чем то похожий на Авдея, глаза были такими же светлыми и пронзительными.

– Вот глаза у тебя, доченька, Авдеевы, а выражение лица от прабабушки.

– Да, мне тоже так кажется! Мам, а как же Агафья, ведь единственный сын умер?

– Да, удар очень страшный для неё! Она за ним была как за каменной стеной все последние годы! Какой дом поднял! Увидишь, закачаешься! Он же непьющий у нас был, серьёзный мужик, рукастый, всё сам, сам! Правда, угрюмый был, не очень разговорчивый! Но хороший, не грубый! Жалко так его, ещё жить бы и жить! И Агафью жалко, как она это перенесёт? Калерия вытерла тыльной стороной ладони набежавшие слёзы.

– Мам, а как он умер? Вике уже и в правду было интересно.

– Я у Захара спрашивала, он тоже ещё тот говорун, ничего толком не поняла! Умер в одночасье, не болел, говорит! Упал и всё! От инфаркта, вроде врачи сказали.

– Мам, а что за легенда наша семейная? Ты мне давно, что-то говорила? Я уже не помню. Вика попыталась поменять тему и успокоить слёзы Калерии. Та промокнула глаза и начала рассказывать дочери об Авдее.

– Отец мне в детстве рассказывал, да и Агафья позже, что Авдей наш был хранителем несметных сокровищ. Сам он погиб в 1941. Воевал, наравне с односельчанами, с фашистами в партизанском отряде. Ему тогда всего 54 года было. Но от него остались записи, тетради, книги. Я их видела своими глазами. В храме, где он был настоятелем, было много драгоценных икон, и всякой церковной утвари, но когда закрывали храм, уже ничего не было. Он был очень умным, образование имел очень серьёзное по тем временам. И мой отец и Агафья уверены, что он придумал способ спасти все ценности. Ведь большевики тогда не только закрывали церкви, всё что было там ценного изымалось и пропадало потом без следа. А ты представляешь какие тогда были храмы богатые. Наш был сразу на три села, большой роскошный! Авдей то наш скорее всего надеялся, что эта власть пришла не надолго. Василий пытался разобраться с его записями, но судя по всему, так ничего не нашёл.

Мать и дочь ещё долго перелистывали тяжёлые страницы семейного альбома. Но им пришлось закругляться с воспоминаниями. Вике ещё надо было собраться в дорогу, и она побежала домой, благо её квартира была недалеко. А завтра, ранним утром у неё автобус.

Глава 4

Семёновну на автовокзал привёз сын. Привёз впритык, до отхода автобуса оставалось минут семь, а нужно было от парковки бежать через большую площадь. Они поставили машину как попало, схватили многочисленные сумки и припустили бегом. Сын быстро закинул вещи в автобус, Семёновна прослезилась, но поплакать не успела, сын посадил её в автобус и двери за ней закрылись. Автобус начал выезжать со стоянки. Семёновну качнуло и, она схватившись за поручень, недовольно глянула на водителя. Быстро вытерев платочком так и несостоявшиеся прощальные слёзы, она зорко оглядела салон, и стала активно пробираться к своему месту.

– Ой, никак Семёновна! Раздалось справа.

– Семёновна, садись со мной, у меня здесь место есть! И Семёновна увидела свою соседку Катерину. Катя помогла ей с вещами и радостно на весь автобус сказала:

– Легко доедем! А то думала за семь часов дороги с ума сойду! Сколько ты у сына то гостила?

– Да, три недели без малого! А ты что в Москве делала? Семёновна тоже включила громкость от радости.

– А я всего на денёк смоталась! Очень уж колбаски захотелось, и по рыбке солёненькой заскучала, да и конфеток-карамелек купила побольше! Ты ж знаешь как я их люблю!

Вика сидела позади этой громкой парочки и сразу поняла, что доспать ей точно не удастся – уж больно активные были женщины. Но через некоторое время навык слушать вполуха сработал, и Вика задремала. Проспала она часа два, соседки впереди продолжали общаться, но правда, почему то стали потише, наверное, кто то нашёл на них управу. За окном плыли зелёные поля, за ними виделась полоса лесов, небо было какого-то нереально голубого цвета, и через редкие облака, красиво, отдельными стрелами-лучами, пробивалось солнце. Зрелище было потрясающе красивым и Вика сразу почувствовала, как на глазах закипают слёзы. Она оглянулась – не смотрит ли кто-нибудь, украдкой смахнула их с глаз. Её всегда пробивало до слёз, если она видела или слышала что-нибудь совершенное по своей красоте. Смотря в окно автобуса Вика вдруг почувствовала такое умиротворение и подумала: – Наверное, сейчас Бог где-то рядом! Поэтому стало так легко на душе!

Размышления её грубо и громко прервали.

– Да, что ты! А что ж ты молчала то? Васька-куркуль умер? Это как же? Разве ж он болел? Это Семёновна обрушила поток вопросов на Катерину. На них шикнули и соседка ответила ей негромко. А Вика наострила уши – её послышалось «Васька» или нет? Нет, неугомонные соседки говорили именно о Василии. Она напрягла слух.

– Так, в том то и дело, что вроде как не болел, а умер, говорят от сердца. Так, что самое то интересное, умер не дома, а в старой церкви! Прямо так и лежал там мёртвый! Завтра хоронить будут на старом кладбище! Там же все ихние покоятся. Вот чё! Катерина говорила громким шёпотом, а Семёновна ахала и всё переспрашивала как да что.

У Вики глухо ухнуло сердце, она уже точно знала, что говорят о её родственнике. А тётки уже тараторили не останавливаясь.

– Да, последнее то время, он всё ходил и ходил в церковь то. Мальчишки даже видели, что он шарил по стенам то, будто искал чего-то!

– А что же он искал? Семёновна была в восторге от новостей.

– Так почём же я знаю! —отвечала ей всезнающая Екатерина. —А ещё к нему отец Николай зачастил из прихода, нашли наверное общий язык, всё ж таки Василий то – внук священника. Может хотели храм восстанавливать, может ещё что – люди разное говорят. А старая Агафья то отца Николая не очень привечает! Во как!

– Что здесь не так! Что то здесь не чисто! Семёновна даже задохнулась от воодушевления.

– Нет, врачи приезжали, и милиция, тьфу ты, полиция, сказали всем, чтоб мол разговоров не было – обширный инфаркт.

– Во как! А ведь вроде в силе мужик то был? Не пил! Работающий! Не болел вроде! Даже не жаловался! Семёновна всё никак не могла успокоиться.

Вика откинулась на сиденье и нахмурилась. Не понравились ей эти разговоры. Вот вроде ещё не приехала, а обо всех новостях Балуюево уже знает, никакой прессы и радио не потребовалось. Теперь она уже всерьёз стала переживать за бабушку Агафью. Надо её поддержать! Хорошо, что я не на один день еду. Автобус остановился около небольшой заправки. Водитель объявил, что у пассажиров есть 20 минут на свои нужды, и что больше остановок не будет. Вика решила немного размяться – от долгого сиденья ноги были ватные, да и спина болела. Выйдя из автобуса, она огляделась – на заправке, кроме их автобуса был только чёрный джип. Водителя за рулём не было, наверное зашёл в маленький магазинчик. Так и оказалось. Но водитель джипа неприятно поразил Вику – им оказался православный священник. Лицо его было странно-отрешённым, то ли из за сероватого оттенка кожи, то ли из за узких сжатых губ. Выражение лица было очень мрачным. Он тем временем исподлобья взглянул на их автобус, и Вика увидела, совсем не благодушный, взгляд бесцветных глубоких глаз. Чёрные полы его одеяния развевались от размашистого, быстрого шага. Вика замерла – уж очень в этот момент он напоминал ворона, а этих тварей она всегда боялась. Они всегда ей напоминали о кладбище. Тем временем, он быстро подхватил длинные чёрные полы и ловко, привычно устроился на водительском сиденье. Хлопнув дверцей, служитель церкви сорвал большую машину с места, подняв жёлтое облако пыли. Да, не хотела бы я иметь дело с таким батюшкой! Неприятный тип. Вика смотрела вслед джипу и чихнула. Пассажиры уже стали собираться в салоне, Вика тоже заняла своё место и сразу услышала продолжение разговора, который, судя по всему, не прекращали её бойкие соседки.

– Я же говорила тебе, что отец Николай зачастил в деревню! Видела какой злощущий! Катерина старалась говорить шёпотом, как будто монах мог её услышать.

– Да, и мне он тоже никогда не нравился! Ещё машина эта бандитская! Но вот как, священник может заработать на такую? Вторила ей Семёновна.

– Наверное, к Агафье ездил, на счёт завтра то! Только уж очень озабоченный какой-то! И тётки вдруг неожиданно замолчали.

Да, первое впечатление не обманывает! Вот и деревенским этот священник совсем не нравится. Как то не очень приятно начинается моя поездка на малую родину! Хотя какой приятности я жду, на похороны еду как никак! Ей стало вдруг совсем не по себе. Дальше они ехали в странной тишине.

Глава 5

Коля Трусов ненавидел ходить в школу. Вот уже три года для него это было настоящей пыткой. Нет – учился он очень хорошо, был усидчивым, как губка впитывал знания, много читал не по программе. Так что, с учителями проблем не было. А вот с одноклассниками у него частенько случались неприятности. Коля был тихим, послушным мальчиком, какой-то невнятной внешности. Небольшого росточка, с узкой сутулой спиной, маленькими, глубоко посаженными, серыми глазками, с сероватыми жиденькими волосиками, острым тонким носом и узкими губами, Коля всегда был бедненько одет, а характером своим полностью утверждал свою фамилию – был трусоват и сторонился людей. Одноклассники постоянно награждали его неприятными прозвищами. На переменах мальчик старался не выходить из класса, но это не всегда удавалось. Чем взрослее становились дети, тем злее они издевались над ним. А после уроков подкарауливали Колю на школьном дворе. Он, конечно, старался убежать от них, но это редко получалось. И мальчика просто били... Он пытался искать защиты у мамы, но Галина, так звали его мать, растила мальчика одна, отца Коля никогда не видел, а её почти всегда не было дома. Женщина, чтобы как-то свести концы с концами, вынуждена была работать на трёх работах. Да ещё в восемь лет у Коли обнаружился сахарный диабет, и бедная мать совсем забыла о себе, лишь бы её умному, хорошему мальчику стало как-то легче свыкнуться с этим пожизненным диагнозом. Болезнь требовала специального питания, дисциплины и режима, постоянного контроля сахара. Галина тихо плакала в ванной, когда Коля, абсолютно по взрослому, пытался освоиться с этим, чтобы помочь маме, которая не могла постоянно быть с ним рядом. Он видел, что ей очень тяжело, и часто думал, смотря на её изможденное лицо, что если бы у мамы было хорошее образование, наверное ей не пришлось бы ломаться на тяжёлых работах. Уже в десять лет он твёрдо решил, что будет хорошо учиться, чтобы можно было поступить в хороший институт. Да, и маме хотелось помочь хотя бы тем, что её не вызывали в школу, а на собраниях всегда ставили её дорогого сына в пример другим.

Во время перестройки многие простые люди оказались за чертой бедности. В магазинах ничего не было, а если что-то «выкидывали», как тогда говорили, то выстаивались огромные, многочасовые очереди. Стояли за всем, маслом, мясом, колбасой и яйцами. Самое необходимое можно было купить только по талонам. Мать приходила с работы поздно, иногда за полночь, а уходила ранним утром. Ещё ей надо было приготовить сыну что-нибудь диетическое. Маленький Коля был предоставлен сам себе – вставал, сонно завтракал, собирал себе маленький перекус и шёл в школу. А вечером, когда сгущались сумерки, во всей их небольшой квартирке включал свет – одному ему всё-таки было страшно. Перед сном долго читал, всё ждал маму. Потом тяжело засыпал, не выключая свет. А во сне часто видел серую, грязную стену школы и страшные, злые лица с разинутыми ртами. Просыпался от липкого ужаса, вскакивал на кровати, долго сидел, качаясь из стороны в сторону и глядя на горящий, большой светильник сквозь полужакрытые глаза.

Ему было уже двенадцать, когда однажды, убегая в очередной раз от своих маленьких мучителей, он заплутал в переулках и неожиданно оказался возле небольшой старой церквушки. Его преследователи немного отстали и не увидели как Коля, быстро проскакав по ступенькам, скрылся за огромной дверью. Внутри его встретила оглушающая тишина. Боковым зрением он увидел двух женщин в длинных юбках и платках, они сидели на лавочке около большого железного бака. Коля быстро проскочил дальше, вперёд, увидел небольшой закуток справа и притаился за ним. Несколько минут он стоял в тишине, судорожно всхлипывая, восстанавливая сбитое от бега дыхание. Потом понял, что пацаны его потеряли и позволил себе расслабиться. Около стены Коля заметил небольшую, узкую лавочку и, присев на неё, наконец, смог оглядеться. ТО, что он увидел потрясло его детское воображение.

Это был совсем другой мир. Мальчику показалось, что он оказался внутри деревянной, сказочной шкатулки. Прямо перед собой он увидел невысокие ворота-дверцы, на створках которых были искусно выписаны лики святых. На стенах разместились многочисленные иконы разных размеров, но все они были богато украшены. Их роскошные золочёные рамы матово поблескивали от мягкого света. Своды храма были тоже расписаны фресками. А окна были причудливой вытянутой формы с цветными, мозаичными стёклами. Свет, попадая через них в помещение, красиво преломлялся и плясал на каменных плитах пола цветными всполохами. И ещё кругом мерцали огоньки свечей, устроенных на очень красивых высоких позолоченных подставках. У маленького Коли захватило дух от этой грандиозной красоты, искрящихся красок и восхитительного мягкого света. Вертя головой, он не заметил, как неслышно открылись ворота и из них вышел священник. Коля увидел его прямо перед собой, батюшка был в красиво украшенной камнями и золотом длинной одежде, с длинными седыми волосами и бородой. Поверх парчовой накидки, на груди, у него расположился большой, весь в цветных камнях, золотой крест. В руках священник держал нитку из шариков приятного зеленоватого цвета. Он с интересом разглядывал мальчика, сидевшего на скамейке и, восторженно смотревшего на него.

– Ты чей, отрок? Ты здесь с мамой? Батюшка говорил мягко, тихо, но все слова звучали чётко.

– Нет, я здесь один... Я случайно... Меня зовут Коля Трусов. Лепетал Коля растерянно.

– Ты крещён?

– Мама говорила, что меня крестила бабушка. Я тогда маленький совсем был!

– Крест носишь?

– Нет, дяденька, но дома у меня есть крестик! Коля вдруг испугался, что его сейчас выгонят отсюда и никогда больше не впустят.

– Ко мне надо обращаться Отец Алексей, и раз ты крещён, нужно носить крест постоянно, он будет тебя охранять! Батюшка говорил с ним мягко, чуть наклонившись к нему, глаза смотрели на Колю ласково.

– Да, да, я сегодня одену и не буду снимать. – Коля быстро закивал головой. – А можно я завтра приду к вам? Батюшка выпрямился, посмотрел на него сверху.

– Приходи в это время. Если у тебя появятся вопросы, задавай, я помогу тебе разобраться. И он, вытянув руку, перекрестил Колю, потом плавно развернулся и зашёл обратно за ворота.

Уже дома, сидя на кухне, Коля, будто впервые, увидел стены со старыми обоями, чистую, но тоже старую и обшарпанную мебель, ободранный табурет. В остальных комнатах их маленькой квартирки было не лучше. И он, наконец, понял, кем хочет стать. Я хочу, как Отец Алексей, работать в таком красивом, тихом месте, где мало народа, а все, кто приходит ведут себя скромно и почтительно. И фамилия не нужна! Это был последний, немаловажный для Коли аргумент.

Поздним вечером, когда пришла уставшая мать, Коля попросил найти ему крестик. Она посмотрела на него внимательно, ей показалось, что сын неуловимо изменился. Взгляд стал спокойнее, увереннее. Она не стала его расспрашивать, поискала в небольшой старой шкатулке с облупившейся эмалью и нашла маленький серебряный крестик на тонком шнурочке. Пристроила его на шею Коле, погладила его по голове и поцеловала в бледный лоб.

Он пришёл в церковь на следующий день после уроков, и ещё через день, и ещё на следующий. Мальчишки от него не отстали, но он почему-то перестал их бояться. И те, почувствовав это, стали постепенно терять к нему интерес, скорее уже гоняли его по привычке. Коля, сразу после школы, бежал к отцу Алексею, и забрасывал того множеством вопросов обо всём на свете. С батюшкой его любознательному уму было бесконечно интересно. Вскоре, он стал оставаться на службы, а после шёл домой. Уроки делал уже поздно вечером, а потом уставший,

но довольный ложился в постель. Он перестал включать везде свет, спал крепко, почти без снов. Он нашёл равновесие. Коля всё схватывал на лету. Потихоньку отец Алексей стал поручать ему всякие мелкие дела. Давал мальчику читать много разных книг, многие из которых были на странном, как сказал батюшка, церковно-славянском языке. И Коля понемногу стал изучать этот древний язык. Батюшке нравился этот любознательный, усидчивый мальчик, и вскоре он стал неотъемлимой частью его прихода.

Глава 6

Захар Иванович очень жалел старую Агафью – потерять единственного сына, этого и врагу не пожелаешь. Старуха вроде держалась – поплакала совсем немного, больше молилась, беззвучно шевеля бескровными губами. Захар взял на себя все хлопоты о похоронах и поминках Василия. Хоть и был тот человеком сложным, нелюдимым, но с Захаром у них сложились почти дружеские, родственные отношения. Да и осуждать кого бы то не было Захар не привык. Поменять, никого не поменяешь, а врага нажать можно легко. За этот его миролюбивый характер в деревне его любили, уважали, за советом приходили все, и старый и малый. Мальчишек в деревне было немного, в основном молодёжь подтягивалась в Балуево летом, на каникулах. И Захар собирал их, водил в лес, учил в нём ориентироваться, рыбачил с ними, а тех, кто постарше, даже обучал охотиться. Мальчишки всегда ждали летних каникул, обожали Захара, а некоторые даже стали привозить в деревню своих друзей из города. Родители спокойно доверяли пацанов Захару, он имел здесь непререкаемый авторитет, и в шутку, между собой, называли его заведующим детского лагеря. «Выпускники» этого деревенского лагеря повзростали серьёзными хорошими парнями и крепко дружили между собой. Начав взрослую жизнь, не забывали о новых подопечных Захара, как когда то их родители, скидывались на лодки, снасти и палатки, да и сами иногда были не прочь вспомнить детство.

Захар Иванович в свои 76 был поджар, силен и вынослив. Лицо, обгоревшее за лето от солнца и ветра было тёмным, ярко-белые седые волосы добавляли контраста, резкие морщины на лбу и около рта придавали ему немного пиратский вид. А вместе с его любимой тельняшкой сходство с пиратом было почти полным. Не хватало только повязки на один глаз. Захар жил хорошо – дом был большой, благоустроенный. Захар – мужчина хозяйственный, да и Василий, покойный, много ему помогал, так что хоромы, как говаривали в их деревне, вышли знатные. Была и машина – ещё не очень старые жигули, которые зимой стояли в тёплом гараже. А ещё помогали дети. Их у Захара было двое, сын и дочь. Жили они далеко, но отца не забывали. Сын его всегда хорошо учился, после института быстро стал продвигаться по службе, женился и сделал Захара дедом двоих отличных мальчишек. Парни уже тоже выросли. А дочка двадцать лет назад вышла замуж за француза, и теперь живёт с ним и детьми в милом французском городке в ста километрах от Парижа. Они часто присылают письма с фотографиями и звонят. Раза три приезжали к нему в гости. Сейчас вместе с ним живёт Сашка, его племянник. Маленьким его постоянно привозили к Захару на лето и парнишка очень полюбил эти места. Характер у подростка был непростой, взрывной, родители с ним не справлялись, а Захар к пацанёнку ключик подобрал, да и друзей Сашка много приобрёл в Балуевском лагере. Парень вырос, отслужил в армии, закончил техникум. И продолжал приезжать к Захару, а когда подвернулась работа по специальности недалеко от Балуево, он переселился к дяде жить постоянно.

Похороны Василия были назначены через два дня, дел у мужчин было невпроворот. Так что крутились как могли – Агафью берегли. Место на старом кладбище уже подготовили, тело Василия тоже, соседок организовали для готовки поминального стола. Хотя женщин и уговаривать не пришлось, Агафью здесь любили и уважали. А вот со священником затормозили – Агафья сказала, что отца Николая к телу сына не допустит, так и сказала: «Только через мой труп», а на их вопросы – Почему?, отвечать категорически отказалась. И Сашка утром рванул в соседний район договариваться с другим батюшкой об отпевании. Из родственников ждали Вику из Москвы, последнюю Максимова, как сказала Агафья. Очень старушка её ждала, хотела на двоюродную внучку в живую посмотреть, а то только фотографии и видела. Василий детьми так и не обзавёлся. Калерия хотела сама приехать, но Агафья попросила её уговорить Вику приехать, сказала, что слаба совсем стала, так могут и не свидеться вовсе.

Водитель автобуса объявил Балуюево. Вика, вслед за говорливыми тётками, пробралась поближе к двери. Женщины удивлённо покосились на неё, потом друг на друга. Выбравшись из автобуса, Вика огляделась, наклонилась за сумкой, но её руку опередили. Выпрямившись, она увидела перед собой долговязого, дочерна загорелого блондина в футболке непонятного цвета и старых джинсах. Схватив вторую сумку в другую руку, парень оскалился белоснежными зубами.

– Я – Сашка! Твой брат! Тройродный! Сашка указал ей головой в сторону светлых жигулей и потопал впереди неё – Ты в курсе?

Вика неуверенно пошла за ним. По пути к машине он обернулся, и помахал рукой вместе с сумкой Викиным попутчицам. Вика тоже повернулась – тётки стояли у автобуса, как вкопанные.

– Всё, можно больше ничего и никому про тебя не говорить! Через час эти «средства массовой информации» донесут весть о тебе по всей деревне! – заржал Сашка, закидывая Викины сумки на заднее сиденье. – Садись, давай, сестра! Не тормози! А ты похожа на Агафью, глаза особенно!

Какой весёлый у меня родственник! Он что, постоянно хохмит что ли?

– А почему на машине? Далеко ехать? – Спросила Вика своего нового брата.

– Да нет! Но Агафья приказала московскую гостью встретить, как полагается!

– Мы сейчас к ней едем, да? – Вика слегка напряглась, пытаясь скрыть свой страх.

– Нет! Сегодня будешь у нас с дядей Захаром, а завтра после похорон уже к ней! – Сашка посмотрел на неё заговорщицки, подмигнул и чуть злорадно хохотнул, – Ждёт она тебя.

Ну вот! Мама уже всех посвятила! Этот Сашка теперь будет меня подкалывать постоянно!

Приехали они быстро, не прошло и десяти минут, как они въехали в открытые ворота. Вика вышла из машины, и чуть не охнула. . . . Она стояла на широком дворе, отделанном цветной тротуарной плиткой. Дом тоже не отставал. Роскошный, светлый, двухэтажный он глядел на неё чистыми, блестящими стеклопакетами. А на широченном, полукруглом крыльце стоял совсем белый, но крепкий старик в тельняшке и держал под руку маленькую старушку в белом платочке. Та, хоть и опиралась на трость, но спину держала прямо. Лицо её было маленьким, сморщенным, как печёное яблочко, но щёчки были свежими, розовыми. Горестное выражение лица не обесцветило её яркие, светло-зелёные глаза. На Агафье было смешное платьице в мелкий, пёстрый цветочек, но ей оно шло. Вот такой я буду старушкой! – подумала Вика и пошла навстречу старикам. Сашка подозрительно молчал, вытаскивая сумки из машины.

– Здравствуйте! Мама вам гостинцы собрала там! – Вика махнула рукой назад, на сумки и растерялась, не зная, что говорят в таких случаях. Но, казалось ничего и не надо говорить. Агафья погладила её лицо рукой, глаза старушки заблестели и Вика испугалась, что она сейчас расплачется.

– Деточка, да ты вылитая моя мама – наша порода – максимовская!

– Ну а я – дед Захар! Прошу так сказать, любить и жаловать! Не топчитесь на пороге то – пошли в дом! – и дед открыл массивную дверь, выкрашенную в яркий синий цвет. Внутри дом не порадовал роскошью, всё было просто, свободно и чисто, но всё равно представление Вики о деревенском доме он обскакал в несколько раз. Из комнаты, услышав людей, с королевским достоинством, выплыла чёрная, с подпалинами, такса. Склонив голову на бок, пёс разглядывал гостью, а она его. Длинное, но мускулистое тело, гордая сильная шея, смешные короткие, чуть кривоватые лапки. Гордо поднятая, вытянутая голова и раскосые, абсолютно человеческие, бархатные глаза. Пёс приветственно твякнул.

– А это наш Кекс! Знакомиться пришёл! – Захар любовно погладил своего питомца. – Сашка его притащил ещё малышом, бракованным он по породе оказался, и хозяева от него отказались. А нам то всё равно, лишь бы душа была! Да, Кекс! Как охотнику, ему цены нет,

и на кролей, и на уток. Кекс – молодец! – и пёс смешно подпрыгнул и закружился, звонко тьякая. – Это он соглашается!

Да, у меня богатейшие родственники! А я еще думала о туалете на огороде! От жизни я определённо отстала, или в деревне жизнь пошла вперёд семимильными шагами. Думая так, Вика, подталкиваемая Захаром оказалась на кухне. Все уселись за столом, на котором стоял запотевший стеклянный кувшин с рубиновым морсом, а на большом металлическом блюде горкой лежали аппетитные румяные сырники. А рядом большая мисочка со сметаной и хрустальная вазочка с домашним вареньем, из которых торчало по чайной ложечке. Пахло всё это так упоительно, что у Вики слюнки потекли. Приборов на столе не было, только большие прозрачные бокалы под морс, да небольшие разномастные тарелки.

– Поешь с дороги, доченька! Устала, поди? – Агафья уже накладывала ей в тарелку сырники. Горе на её лице немного отступило. Вика, не долго думая, взяла рукой сырник и откусила хороший кусок

– Наш человек! – сказал, вошедший в кухню, Сашка и тоже схватил сырник прямо с блюда... Они макали их в сметану, подкладывали себе варенье... Вика вдруг почувствовала себя, как дома – спокойно и безмятежно. Только вот повод моего приезда совсем не располагает к безмятежности – одёрнула она себя.

Глава 7

Вику устроили на втором этаже, в уютной угловой комнатке. Она уже немного освоилась в доме. Приняла душ – ванная у Захара была устроена ничуть не хуже, чем в городе. И переодевшись, высунула свою влажную, золотистую кудрявую голову в окно. Телефон, как не странно, ловил и Вика набрала маму. Доложила о благополучном прибытии, рассказала в красках, как её встретили, отчиталась о бабушке и родне. Сказала, что ей здесь очень нравится и отключилась. За окном было чудесно. Воздух был прозрачен и не порочен выхлопными газами и мазутом, густо, упоительно пахло зелёной листвой, яблоками, свежими огурчиками и ещё чем-то, одновременно тёплым и свежим. Вика так и не смогла уловить чем. Запах был так вкусен, что Вика с жадностью вдохнула полную грудь, и усталость от дороги улетучилась полностью. Солнце уже укатилось за лес, который словно подсветили розоватым светом, но до темноты было ещё далеко. И Вика с интересом стала разглядывать из окошка окрестности. Со второго этажа ей хорошо были видны несколько соседних дворов. Эти дома не были такими роскошными, как дом деда Захара, но везде чувствовался достаток – садики и огороды были ухожены, зелень весело топорщилась на грядках, деревья стояли аккуратными рядами с побеленными ножками. Кое-где копошились хозяйки, лениво тьякали собаки, а из, проехавшей по улице, подержанной иномарки надрывно звучал неубиваемый «Ласковый май» со своими белыми розами – деревня больше напоминала хороший, зажиточный дачный посёлок. На крыше одного из домов Вика разглядела спутниковую тарелку и тихо рассмеялась. Да, прогресс неумолим! Однако! Продвинутые балуевцы! Странно, но она совсем не думала о завтрашнем дне, настроение было лёгкое и захотелось выйти на эту милую проселочную улочку, пройтись, осмотреться. Волосы уже высохли, она быстро взъерошила их руками, помотала головой. Ей очень нравилась её новая стрижка, не очень длинная, но и не короткая. Новая девочка, к которой Вика, совсем случайно попала в салоне, пообещала ей, что с этой стрижкой совсем не надо будет возиться, и что именно такая длина ей очень к лицу. Не обманула! Вика полюбовалась на себя в большое зеркало старенького трюмо, натянула лёгкий цветной сарафанчик, натянула свои любимые кеды и спустилась в низ. На первом этаже никого не было и она вышла во двор. Жигули так и стояли перед крыльцом, Сашка бегал вокруг них с тряпкой, любовно натирал бока машины, отойдя в сторону, оглядывал дело рук своих, и снова тёр глянцево-дверцы. Кекс активно принимал участие в помывке железного коня, путался у Сашки под ногами, поднимаясь на задних коротких ножках. Он первый заметил Вику на крыльце и бросился к ней, закурился, тьякая около. Сашка тоже оторвался от своего важного дела.

– Ты чего не отдыхаешь? Мы думали – ты спишь! К ужину хотели будить, через часик, другой. Кекс не сбей с ног гостью!

– Да, что то не хочется спать! А ты сильно занят? А то, может, покажешь мне деревню? – Вика присела на корточки и поглаживала Кекса по блестящей шёрстке. Тот повизгивал от удовольствия.

– Ничего не имею против вечернего променада! Только давай Кекса я к Захару уведу в огород, а то он нам шагу не даст сделать! Между ногами будет путаться! А ты ему понравилась! – Сашка легко поднял пёсика под брюшко, и понёс за дом.

Вика ждала его, и поражалась своим ощущениям. Ей казалось, что она здесь бывала множество раз, а родственников знала очень давно. Так легко с малознакомыми людьми ей никогда не было. Вернулся Сашка, вытирая руки на ходу. Они дружно вышли за калитку и пошли по улице. По обочинам росли большие деревья, кое-где ветви их крон смыкались, образуя красивые зелёные арки. Вика замороженно смотрела вверх. Сквозь листву пробивались проблиски заходящего солнца. Такого в большом городе не увидишь! За этой буйной растительностью дома казались прозрачными и немного волшебными.

– Саш, расскажи мне о Василии! Почему его зовут куркулём? То есть звали? Да и вообще, каким он был?

– Это ж откуда у тебя такие познания? А знаю! Наши тётки в автобусе перемывали кости, да? И что же за семь часов они ещё не всё рассказали? – хохотнул Сашка и уже серьёзно продолжил.

– В восьмидесятые, девяностые в этой деревне не было так прекрасно. Всё мужское население сидело без работы и убивало время дегустацией пива и других, сама понимаешь, горячительных напитков. А наш Василий не пил совсем, хватался за любую работу, и всё тащил в дом. И если удавалось что-то прихватить с работы, тащил туда же. Рукастый очень был, но нелюдимый, молчун, очень любил мастерить, почти всегда в одиночестве. Бывало даже с матерью дня два мог словом не перекинуться. Она то, как все матери, хотела его женить, о внучках мечтала! Василий был ладным, симпатичным, непьющим. А это ж в деревне самое ценное в мужике! Много деревенских молодок пытались его заарканить, но ни одна Василия не привлекла!

– Ты так интересно говоришь! Молодки! – Вика улыбаясь, легко ткнула Сашку в плечо.

– Дык, где живу то! – сказал Сашка дурашливо, явно изображая старого деда. – Я ж со слов деда, да Агафьи рассказываю, вот и набрался! А ты слушай! Привыкай к местному диалекту! – сказал он очень важным, назидательным тоном, подняв вверх указательный палец.

– Так вот, сначала жили втроём, потом Агафья похоронила мужа, отца Василия, и остались они вдвоём. Сын стал перестраивать дом, затеял капитальный ремонт. Завтра посмотришь, какая у них красота! Естественно, деревенские называли его куркулём! Всех, которые с ними не пили, для них были, как минимум, ненормальными. Ну а потом, вернулся в деревню наш Захар. Он работал механиком на речных судах. Да, да! Он почти настоящий пират! Приехал один, с женой он развёлся, дети уже были большие. Квартиру в городе оставил жене, а здесь был только старенький домишко, оставшийся от матери. И в Балуево появился ещё один непьющий мужик! Захар потихоньку обустроивался, стал рыбачить, охотиться, нашёл какую-то работёнку в районе неподалёку. А Василий, на правах родственника, стал ему помогать дом перестраивать и делал это с размахом. Ты бы видела из чего они подняли этот дом! Вдвоём, понимаешь! Вот какой был Василий! В деревне все и всё на виду! Его по старой привычке наши кумушки куркулём называли, но уже без какой-то задней мысли. А к Захару на охоту, да на рыбалку сначала прилепилось двое пацанов, им до смерти вечно пьяные отцы надоели. Потом за ними подтянулись другие мальчишки, которым тоже хотелось рыбачить со взрослым, трезвым мужиком. Ну и Захару с ними нравилось возиться, а мамыши были спокойны, что плохому не научит. А Василий помогал Захару – учил ребят мастерить всякие интересные штуки. Короче – парни выросли не алкоголиками. Ты знаешь, если подумать, то Захар с Василием очень много сделали для того, чтобы деревня стала такой, какой ты её видишь теперь. – Сашка остановился.

Они уже прошли по другой улице и вышли на окраину посёлка. В двухстах метрах впереди уже начинался лес. Сейчас уже спустились сумерки и Сашка с Викторией потихоньку пошли назад к дому Захара.

– А что за история с церковью? – продолжила Вика разговор.

– А в последнее время Василий очень часто туда ходил. Как Агафья говорит, всё записи своего деда пересматривал. Но он же молчун, никому ничего не говорил, даже Захару. Мальчишки рассказывали Захару какие то страшилки, но Захар сплетни остановил, сказал, что Василий подумывает о восстановлении храма, вот и смотрит, значит, с чего начинать. А как уж там было на самом деле, вряд ли мы теперь узнаем. Но, я думаю, Агафья знает гораздо больше. Завтра увидишь церковь своими глазами, и старое кладбище тоже – они там за лесом – Сашка махнул рукой назад и насмешливо глянул на, вдруг съжившуюся, Виду. – Не бойсь! Прорвёмся!

Тем временем деревня погрузилась во мрак. Только свет от фонарей красиво подсвечивал тёмные арки деревьев.

Глава 8

В девятом классе в размеренную рутину жизни Коли Трусова вошло неприятное, незнакомое чувство – зависть, разъедающая изнутри, тёмная, пугающая. В их простую школу пришёл учиться Пашка Колесов, сынок «непростых» родителей. Старшего Колесова перевели в их городок на хорошую должность в мэрию, из самой Москвы. Сына выдернули из престижных, московских пенат специально – уж очень нужна была золотая медаль для поступления в какой-то крутой вуз. Пашка, конечно, был способным парнем, но до московской медали не дотягивал, а может связей отца оказалось недостаточно. Парнишка молниеносно стал любимчиком всех учителей, да и ребята приняли его легко, без притирок. Коле казалось, что всё даётся Пашке очень легко, играючи, без каких-либо напрягов и проблем. Одевался этот везунчик щёгольски, форсил в супермодных джинсах, шикарных пиджачках, явно произведённых не в России. И, главное, он обладал каким-то магнетическим обаянием – стоило ему глянуть на кого-нибудь своими большими, серыми глазами, и всё, человек сразу начинал улыбаться. Одноклассницы, все как одна, млели в его присутствии, юбки становились с каждым днём всё короче и короче. Пашка же со всеми общался достаточно ровно и близко ни с кем не сходилась, но при этом отшельником, как Коля не слыл. Вокруг него всегда крутились несколько пацанов, что то вроде свиты. Месяца не прошло, а парень настолько освоился, что стал подкидывать мальчишками всякие клички. Колю он называл Монашкой, намекая на его походы в церковь, на чёрный цвет его одежды и на длинный, тонкий хвостик волос. Делал он это с таким пренебрежительным выражением лица, что Колю передёргивало. Он уже давно свыкся с положением изгоя в классе, пацаны были все из очень простых семей, интеллектом не страдали, и Коля считал для себя зазорным опускаться до серьёзных переживаний по поводу их детских, недалёких подколов. А вот Пашка делал это очень тонко и мог изобразить такой уничижительный взгляд, что у Коли начинали пылать уши. Обидчик это быстро замечал и осыпал его противными шуточками. Школу Коля терпел, так как понимал, что без хорошего аттестата ему трудно будет двигаться к своей мечте, но теперь, собираясь туда, каждое утро ощущал, как сосёт под ложечкой. Коля снова боялся. Боялся Пашку, хотя тот и не думал распускать руки. Больше всего его страшили ненависть и зависть, которые грызли его и днём и ночью. И умом, и душой Коля понимал, что это большой грех, но как не пытался замолить, отогнать от себя злые, горячие мысли – ничего не выходило. Как только замечал гордо вскинутую с модной, короткой стрижкой, голову Пашки, горло сразу перехватывал душный спазм, а лицо начинало пылать огнём. Он даже к отцу Алексею стал реже ходить, не знал, как в глаза тому посмотреть. Священник сразу заметил, что с парнем творится что-то неладное, но с вопросами не приставал, знал – переполнится чаша терпения, и Коля, как всегда это бывало, поделится с ним своими проблемами.

Так и случилось. Однажды парнишка пришёл задолго до вечерней службы и с ходу, как в воду прыгнул, начал:

– Батюшка, послушайте меня! Я совсем извёлся! Меня гложет ненависть к одному человеку, я хочу ему зла, хочу, чтобы он пропал совсем куда-нибудь, и я его больше никогда не видел!

Отец Алексей сидел рядом, спокойно смотрел на мечущегося парня.

– Он сильно тебя обидел, сынок? – Коля отрицательно замотал головой.

– Да нет! Вроде, как все, но вижу его холёное лицо, и скручивает всего от злости!

– Грех гордыни – страшный грех, сынок! Нас всех Бог создал такими, какие есть! Ты вот такой, а обидчик твой другой. Все люди разные. Надо тебе это просто принять, ты только себе хуже делаешь, что так переживаешь! Он же, скорее всего, даже не думает о тебе! У него есть

какие-то свои проблемы, просто ты о них не знаешь! Помни, у каждого из нас свой крест! Мы с тобой говорили об этом. – Отец Алексей по отечески положил руку на плечо парню.

– Да, я всё это умом понимаю! Это как-то само собой получается, бесконтрольно вообще! Это меня и пугает! Я уже по ночам не сплю – думаю, молюсь. Что мне делать, батюшка? – Коля смотрел на своего учителя умоляющими глазами.

– Тебе это просто надо пережить! Пережить и вынести из этого свой урок! Зачем то этот человек появился на твоём пути, но пока ты этого знать не можешь! Но ты поймёшь это позже, обязательно!

Коля удручённо кивал на слова батюшки, слушал уверенный голос, и отчётливо понимал – спасения от Пашки Колесова нет! Может и правда, пережить этого гада, как бедствие, и всё пройдёт? Посмотреть, к чему всё это приведёт! Ведь выжил же я, когда меня дубасили каждый день! Если бы я тогда не бегал от пацанов, не встретил бы батюшку! Надо потерпеть, уж что, что, а это я умею делать! И посмотреть к чему это приведёт! Обдумывая свой разговор с наставником, Коля медленно возвращался домой, кутаясь в холодную, чёрную, китайскую куртёшку. Ноябрь только начался, а осень уже начала потихоньку сдаваться под натиском зимы. Холодный, зябкий ветер гонял лёгкие, уже сухие, жёлтые листья, окончательно оголяя засыпающие деревья. Выговорившись, Коле сразу стало полегче. Уже в своём дворе, он поднял голову, и увидев в своих окнах свет и вообще воспрял духом. Мама вернулась сегодня пораньше! Он будет не один, и, скорее всего, поест чего-нибудь вкусного и горячего.

Уже ночью, лёжа в постели, обдумал ещё раз разговор с батюшкой. Ну, конечно, надо постараться не обращать на этого Пашку внимания! Показать, что мне всё равно и он отстанет! Надо перестать дёргаться и заниматься учёбой, а то я так ни в одну семинарию не попаду! С этими мыслями Коля заснул.

Месяц мальчик игнорировал подколы и приставания одноклассников, подначиваемых его врагом, не поворачивался в их сторону, всем своим видом показывая, что их просто не существует для него. Слава богу, разборки на школьном дворе его обидчики уже переросли. Но Пашка, заметив что к его жертве начал пропадать интерес собственной свиты, начал серьёзно и зло унижать тихого Колю. И однажды, заметив очередную штопку на его старом свитере, Пашка злорадно высказался:

– Монашечка наша, бедненькая, ты бы сразу рясу на себя надела и старьё своё прикрыла бы!

Кто-то из ребят неуверенно хохотнул и замолчал. Почти у всех родители были простыми работягами и одеты были все неважно. Мальчишки даже немного отодвинулись от своего предводителя, и в классе воцарилась неожиданная тишина. И тут Коля сделал совсем несвойственное ему – шагнул к Пашке, поднял на него свои, сузившиеся от ненависти, побелевшие глаза и вперился ими прямо в зрачки своего обидчика. Долгую минуту они стояли молча друг против друга, и вдруг, на глазах у всех произошло странное – весёлый Пашка сначала откатнулся назад, как от удара, а потом резко сломался пополам, схватившись руками за живот и скорчившись от боли.

Поражённая свита стояла и смотрела на своего поверженного вожака, забыв броситься на помощь. А Коля обвёл глазами ребят, как будто предупреждая каждого, и спокойно пошёл к своей парте. Пришедшая на урок, историчка быстро организовала скорую и везунчика отвезли в больницу. Как выяснилось потом, с приступом острого гастрита, но одноклассники поглядывали теперь на Колю с опаской и, на всякий случай, перестали его доставать.

Но больше всех это происшествие поразило самого Колю. Он всё прокручивал и прокручивал ту решающую секунду, вспоминал свои ощущения, и всё больше убеждался, что всё дело было в его взгляде. В тот момент, когда он уставился в Пашкины глаза, он сосредоточил в нём всю ненависть и злость, на которую только был способен. Только он заметил, как метнулись в сторону зрачки его противника и дёрнулась назад его голова. В тот момент он почувствовал

первый раз в жизни огромную уверенность в себе, в своих силах и . . . . бешеное злорадство над болью, согнувшегося перед ним, гордого Пашки.

С отцом Алексием Коля это происшествие обсуждать не стал, знал, чувствовал, что одобрения не получит. Да и боялся, что тот в нём разочаруется, а ему ещё нужна будет рекомендация батюшки для поступления в семинарию. Перед сном у него уже стало традицией вспоминать и обдумывать снова и снова свою победу. Как тогда сказал мне батюшка? Зачем то он появился на твоём пути и ты поймёшь это потом, позже! Вот для чего! У меня точно есть какая-то странная сила во взгляде, нужно только сконцентрироваться и смотреть точно в зрачки! Где-то глубоко внутри один раз его царапнула мысль, что это могут быть происки дьявола – именно это скорее всего и сказал бы ему отец Алексей, но Коля сразу загнал её глубоко в подсознание. Ему так понравилось это ощущение спокойствия и уверенности в себе, что возвращение старого, забитого, неуверенного в себе Коли, он категорически не принимал.

В то время пол страны зависало перед телевизором, глядя на различных психотерапевтов и экстрасенсов. Кашпировского и Чумака крутили по центральным каналам, люди пересказывали легенды о волшебных излечениях знакомых друзей дальних знакомых. И Коля Трусов начал скупулёзно изучать различную литературу по этой теме. Сидел в библиотеках, изучая труды настоящих психотерапевтов и жадно вникая в разные методики гипноза. Его это так захватило, что несколько вечеров, вместо посещения церкви, он провёл на вокзале, с азартным интересом наблюдая, как работали обычные цыгане, используя свою нехитрую методику забалтывания намеченной жертвы. Коле тоже хотелось на ком-то практиковаться, и больше всех опять «повезло» Пашке Колесову. Вернувшись в школу после больницы, тот вроде вёл себя как прежде, но даже его свита, которая заметно поредела, заметила, что от Колиных глаз он увёртывался, как мог. Но иногда Пашка терял контроль и всё таки попадал в, преследующие его, ненавидящие глаза и быстро отворачивал от них свою поплывшую голову. Девятый класс он закончил неважно, часто болел, а в десятый класс Пашка уже пошёл в другую школу, которая находилась в другом конце их небольшого городка. Коля теперь мог спокойно закончить школу.

Глава 9

Ранним утром траурная процессия тихо и медленно двигалась по неширокой просёлочной дороге, обвивающей густой лес. Возглавлял колонну батюшка, высокий, с крепкой спиной, с округлым приятным лицом, обрамлённым пышной светлой бородой. Гроб с Василием несли дед Захар, Сашка и еще четверо молодых мужчин, а сразу за ними делала мелкие шажки старая Агафья. Бледная Вика шла рядом, чуть пошатываясь, и изо всех своих последних сил поддерживала старушку под локоть. Она слышала, как Агафья тихо, почти беззвучно шептала молитвы. Следом шли соседи, знакомые – их было не мало – около полусотни человек. Шли все молча. Эту скорбную тишину разрушало оглушающее, утреннее многоголосье птиц. Процессия выгнулась на повороте и стала медленно затягиваться за лес. И сразу открылся потрясающий по своей красоте вид.

С правой стороны колонны лес вытянулся высокими стройными елями. А левее, на небольшом возвышении на них, пустыми глазницами окон, смотрела полуразрушенная церковь. Её высокие, светлые когда-то, стены были изрыты красными кирпичными островками. Большая луковица сохранившегося купола поблёскивала на солнце оставшимися серебряными бочками. На кресте не осталось верхней перекладины, но это не мешало величавому виду. Вика тихонько охнула и невольно остановилась, но Агафья легонько погладила её по руке и потянула за собой. Лес, изогнувшись, почти вплотную приблизился к храму, но здесь было больше разнородья. Деревья стояли уже не так плотно друг к другу. Присмотревшись, Вика поняла почему – сквозь деревья, на редких полянках она увидела кресты. Какие-то стояли твёрдо, но их было не много, покосившихся было больше. Прямо перед ними было старое кладбище! Вика зажмурила глаза – вот он, мой ночной кошмар! И прямо точь в точь, только вид был сверху, с высоты! Вика замедлила шаг, не открывая глаза, но рука старой Агафьи стала твёрже и заставила её сделать следующий шаг. Траурная колонна медленно приближалась к цели. Вика вдруг почувствовала, как Агафья начала плакать. Плакала она беззвучно, подрагивая всем своим маленьким, сухим телом, а слёзы катились и катились из светлых глаз. Вика забыла о себе, ей так стало жалко бабушку, что приобняв ту за плечи, теперь уже она вела её. Проход к ухоженным могилам был узким, было заметно, что люди с трудом отвоёвывали старое кладбище от прожорливого леса. Свежих могил было немного. За молодыми деревьями угадывались бугры погребальной земли и кое-где лежавшие на земле кресты.

По очень узкой тропинке печальная колонна по одному втянулась на небольшую полянку и Вика сразу увидела свежерыкопанную глубокую яму с высоким холмом чёрной земли рядом. От густого запаха потревоженной земли её сразу замутило и она покачнулась на ослабевших ногах. Она повернулась назад, но весь узкий проход был плотно забит людьми. И она, глубоко вздохнув, двинулась вперёд за Агафьей. Подойдя поближе Вика разглядела, что новое место подготовлено на отдельном большом, мест на семь, участке. Его границы чётко обрисовывала низенькая, но ещё крепкая ограда. Люди стояли вокруг тесно, поставив венки на землю. На участке уже было три добротных памятника в виде крестов. Вика переводила взгляд с одного на другой. Первый крест – Максимов Авдей Захарович 1876—1941, второй, рядом – Максимова Анна Ивановна 1883—1951, третий – Марков Егор Лукьянович 1920—1998. Вика, совсем забыв о своих страхах, распахнутыми глазами разглядывала памятники своих предков, как вдруг Агафья, рванулась вперёд, и осела около третьего креста, заголосила тоненько и страшно: – Егорушка, родненький! Сыночка к тебе принесла. Прости меня грешную, не убе-регла! Она, вытянув свои худенькие руки, будто обняла могилку мужа. Вика замерла, а потом слёзы градом потекли из глаз, она попыталась подойти к бабушке, но к ней быстро подскочили две пожилые женщины, подняли старушку под руки и тихо стали её успокаивать. Хотя, как можно успокоить в таком горе. Женщины плакали, многие мужчины изредка поднимали руки

к лицу, утирая слёзы. Плачущая, растерянная Вика была крепко стиснута людьми и только поэтому стояла – ног она не чувствовала совсем. Она не слышала ничего вокруг, только видела, как люди по очереди стали бросать горсти земли в свежую могилу и отходить, освобождая место следующим.

Как то незаметно на полянке стало посвободнее, многие тихо отходили от могилы. Один за другим потянулись обратно в деревню. Вика еле плелась вслед за Агафьей, которую немного впереди вели те же две женщины, иногда они оглядывались на девушку, и она старалась держаться бодрее. Чем ближе к деревне, тем свободнее ей дышалось, и на двор большого, добротного дома она уже зашла вместе с Агафьей под руку, заменив одну из соседок.

Поминальные столы были накрыты прямо на широком дворе. Дом смотрелся странно в этой деревне. Он больше был в немецком стиле. Глядя на него, у Вики сразу всплыли иллюстрации из любимых в детстве сказок Андерсена. Да, Василий был большой оригинал! Ещё здесь во дворе было видно, как много любви, души, сил и терпения было вложено в этот дом. Около столов сновали женщины, угощая пришедших людей. Долго никто не сидел, видно было, что Агафья держится из последних сил, принимая соблезнования. Женщины, вставая из за стола, не уходили, а начинали помогать другим всё убирать... Вместе они управились быстро. Агафью, наконец, отвели в её комнату и уложили, как ребёнка. Вика немного постояла около неё, облокотившись на высокую металлическую спинку кровати, и через некоторое время, услышав тихое сопение бабушки, на цыпочках вышла из комнаты и отправилась изучать дом. В большой гостиной было много света и воздуха. Одна из стен комнаты была одним огромным французским окном, большие, с перегородками, стеклянные двери были распахнуты и вели на небольшую террасу. Вику сразу потянуло туда. Здесь около стены стояло добротное садовое кресло, на нём небрежно лежал клетчатый плед. А вокруг был ухоженный милый садик. Она расправила плед на кресле и плюхнулась на него, с наслаждением вытянув ноги. И вдруг, к ней на колени, запрыгнула чёрная, блестящая кошка. Видно было, что животное растерялось, но не уходило с колен. Тихонько обнюхав Вику, кошка хитровато посмотрела ей в глаза. Кошачьи глаза были зеленоватого оттенка, роскошные белые усы воинственно топорщились, щёчки, и манишка были белыми, а лапки, которые начали неуверенно переминаясь на Викиных коленях, были «одеты» в белые носочки. Вика осторожно погладила кошку по чёрной, гладкой спинке, и та устроилась поудобнее, свернувшись калачиком. Вокруг было тихо, голову кружила усталость и аромат цветов и из глаз Вики снова хлынули слёзы – так ей жалко стало этот сказочный дом, этот уютный красивый сад, это милое, удобное кресло. Сколько же любви было у Василия к этому дому! И кто теперь будет ухаживать за всей этой сказкой! Я! Я буду заботиться о тебе! Я хочу жить здесь! Мысль, которая пришла вдруг ей в голову, не испугала, слёзы больше не текли из глаз, а её мокрое лицо осветила широкая улыбка.

До вечера Агафья лежала. Вика её проверяла каждый час, через щёлку заглядывая к ней в комнату. Потом бродила по тихому дому, кошка ходила за ней с хозяйским, поистине королевским, видом. Вика нашла для себя уютную комнату на втором этаже. Из мебели здесь стояла узкая железная кровать, изголовье которой было ажурным, с милыми шариками на углах, небольшой стульчик и большой белый комод, с облупившейся местами, краской. На деревянном полу лежал цветной тканый коврик-дорожка. Вика прошла к окну и распахнула створки, впустив в комнату благоухание сада. Вскоре приехал Сашка на своих любимых жигулях и привёз её сумку с вещами, познакомил Вику с кошкой, которую, оказывается, звали Норкой. И до вечера она устраивалась на новом месте, разобрала вещи, устроив их в бездонном комод, а потом, спустившись вниз, стала искать кухню. А когда нашла, сразу поняла, что это место полностью принадлежит Агафье. Об этом кричали яркие полотенчики, прихваточки, деревянные расписные ложки, красивые разделочные доски... Но вся техника была качественной, дорогой. Вика заглянула в холодильник, он был забит остатками поминального стола. Основа-

тельные здесь хозяйки! Соседки упаковали всё в отдельные баночки и коробочки. На звуки в кухню зашла Норка. Усевшись по центру, как египетская богиня, она пожирала холодильник своими жёлтыми глазами, но ни разу не мявкнула. Вика улыбнулась, вспомнив их Чипку, та, если проголодается, начинала настоящую истерику.

– Что, Норка, кушать захотела, да? Про тебя забыли все? Сейчас посмотрим, что тут у нас есть! – в углу кухни Вика увидела кошачьи тарелочки, быстро помыла, положила еды, и стала наблюдать, как Норка ест, аккуратно, не торопясь. По центру кухни располагался большой круглый стол, накрытый красивой светлой скатертью, в центре стояло большое металлическое блюдо с яблоками, источающими давно забытый аромат. Вика только сейчас поняла, что очень голодна, на поминках она на еду смотреть не могла. Выбрав самое красивое яблоко в вазе, она с хрустом откусила большой кусок. Ей вдруг захотелось чем-то порадовать бабушку. Она быстро провела ревизию кухонных шкафчиков, нашла муку, яйца и даже специи. В холодильнике она видела картофельное пюре в коробочке и молоко. Сделаю как я картофельные булочки с тмином – Агафье должно понравиться.

Подвизавшись ярким фартучком, на котором был нарисован красивый самовар, Вика шустро принялась за дело. Через два часа по дому стал распространяться волшебный, ни с чем несравнимый, запах выпечки. Пока булочки стояли в духовке, она сбегала в сад и отыскав грядки с хрустящими огурчиками, маленькими душистыми помидорками, со свежей зеленью, собрала настоящий деревенский стол. Душа её пела, она чувствовала себя хозяйкой в этом доме из сказок. Хрустя огурчиком, она вытащила большой противень с готовыми румяными булочками и накрыла их влажным полотенцем.

Старая Агафья стояла в дверях кухни, опёршись на косяк, и молча наблюдала за чёткими, плавными и уверенными движениями, не заметившей её, Вики и глаза её постепенно наполнялись светом.

– Деточка, смотри на тебя, а кажется, что на себя молодую смотрю со стороны! Ты не прикинулась мне, дочка? – Вика кинулась к бабушке, помогла её устроиться на стуле.

– Вы знаете, мне так тут нравится, всё тут по мне! Я теперь часто буду у вас бывать! – она присела на корточки около маленькой старушки и улыбалась.

– А ты оставайся, деточка, оставайся у меня! Дом то огромный! Сынок то каждый уголок тут огладил, каждую дощечку приласкал! Хорошо тебе тут будет! И тебе, и мужу твоему и деткам! – Агафья говорила тихо и гладила Вику по голове маленькой сухой рукой.

– Да, мужа то у меня нет! – весело сказала Вика, поднимаясь с корточек, и устраиваясь на стуле рядом со старушкой.

– Так будет, внученька! Куда ж он денется от таких глазюк то! И муж будет и детки будут! Будут тут бегать, играть в саду – хорошо им тут будет! – Агафья, как будто убаюкивала Вику, продолжая гладить по лицу и плечам. . . . – А чем это так пахнет вкусно? Я, наверное, от этого запаха и проснулась!

– Да вот, так захотелось выпечки! Их надо горячими есть! – Вика уже несла большую тарелку с дымящимися булочками к столу и наливала чай в кружки.

Так они и сидели за круглым столом, в открытое окно уже заползала прохладная темень, и сверчки, как сумасшедшие, пели свою вечернюю песню. Где-то совсем рядом побряхтывала коза, и вдалеке басил чей-то пёс. Старушка спрашивала Вику о Калерии, о ней самой, о Москве. Вика подробно отвечала на её вопросы, а самой это всё казалось таким далёким, и такими малозначительными казались городские проблемы. Второй день ей не нужен телевизор, ноутбук да и телефон тоже. А я думала, что умру тут со скуки. Эти мысли крутились в её голове под тихую речь Агафьи.

– Бабушка, расскажите мне про деда Авдея! Ну что помните! – попросила она.

– А ты не завтра ли уезжаешь? – Агафья смотрела на неё с хитровой улыбкой.

– Нет, я ещё побуду у вас до воскресенья!

– Тогда давай завтра! Мне тебе много надо успеть рассказать! И про Авдея, и про маму мою! И показать надо тебе документы, записи его сохранились! Будет тебе, чем заняться! – Агафья тяжело поднялась. – А то глаза то вон у тебя уже закрываются, я то поспала, а тебе надо отдохнуть! Утро вечера мудренее! Норка, идём ко мне! – и она пошла к себе в комнату, а за ней, чуть помедлив, двинулась кошка.

У себя в комнате, выключив свет и вытянувшись на кровати, Вика ещё долго слушала Балуевскую ночь. Окно, выходившее в сад, она распахнула настежь. В саду шуршали листвою деревья, убаюкивали её, неся в комнату тончайшие запахи цветов и звуки падающих плодов. Сон пришёл незаметно и погладил Вику по щеке....

Агафья же уснуть не могла. Она ещё долго стояла перед большой фотографией сына, но больше не плакала. Мысли её всё крутились вокруг рыжей девочки Вики. Спокойная, смыслённая, хозяйка, глаза живые – наши. Может у неё получится разгадать тайну Авдея. Ты, сыночек не смог, всё тебе казалось, что ты совсем рядом! Да не успел! Надо девочке рассказать всё – и про книгу, и про этого нехристя Николая! Правда, опасный он, надо его остерегаться! Как он тогда глянул на меня, когда я ему отказала записи отца отдать! Зло, нехорошо посмотрел, не как священник! Почему то мне кажется, что не без его помощи ты, сынок, удар получил! Видели мальчишки его машину в тот день на крайней дороге. Вот подиж, теперь узнай! Всё завтра надо девочке обсказать, предостеречь надо, и на порог его больше не пущу! Агафья всё стояла перед фотографией сына и тихо делилась с ним своими планами.

Глава 10

Николай за лето сильно вытянулся, превратившись в длинного, худого парня с довольно мрачной внешностью. Вроде ничего в его лице не поменялось, те же длинные, блекловатые волосы, затянутые в хвост, те же светлые глаза и узкий, с горбинкой, нос, те же тонкие, сжатые губы. Вот только чётче обозначились острые скулы, а главное изменился взгляд парня. Теперь он смело и цепко смотрел на окружающий мир. С тех пор, как он случайно обнаружил в себе уникальные способности к гипнозу, Николай поменялся изнутри – к его любознательному уму и прекрасной памяти прибавилась спокойная уверенность в себе, хитрость и житейская практичность. Ведь все детские годы ему приходилось все свои маленькие проблемы решать самому, иногда ему очень помогал отец Алексей, который стал его духовником и наставником. Николай же шёл к своей цели узкими, извилистыми закоулками, которые чаще всего противоречили православию. И всё таки он твёрдо решил посвятить свою дальнейшую жизнь служению церкви. Несовместимость эту он чётко осознавал, но всегда находил оправдание, легко оправдывая себя, лавируя в текстах молитв и наставлениях своего учителя. О своих ночных переговорах с Богом Николай своему духовнику предусмотрительно не рассказывал, боясь потерять его доверие. И постепенно он ужился сам с собой, таким разным, называя это для себя борьбой за жизнь в предлагаемых условиях.

Закончив девятый класс, он сразу устроился работать дворником. Проработав всё лето, Коля скопил приличную сумму денег. Этот его заработок был большим подспорьем для его бедной матери, которая была основательно вымотана, пластаясь на двух работах и даже не задумываясь об отпуске. Николай очень переживал за неё – последнее время здоровье женщины серьёзно ухудшилось. А она даже не думала позаботиться о себе, вместо этого все её мысли были заняты сыном, который так повзрослел за лето и ему просто необходимо было купить новые вещи. Когда Коля принёс ей заработанные деньги, радости её и гордости за сына не было предела.

В конце августа мать с сыном собрались и поехали в ближайшее подмосковье на рынок. В Москве в последние годы развелось многое множество этих стихийных торговых точек. Казалось, все жители столицы начали торговать. Располагались люди со своими котомками на огромных площадях, на стадионах. Страна, как то в одночасье, превратилась в один сплошной рынок. Но Галина повезла сына именно в подмосковье, там можно было купить дешевле. Уж больно вещей надо было купить много, Коля совсем поизносился и очень повзрослел. Совсем неожиданно мать вдруг увидела в нём мужчину, сильного, властного. Она сначала расстроилась от этого своего открытия, так быстро пролетели годы! Но потом почувствовала себя защищенной – наконец-то в доме появился мужчина. У сына пока всё получалось легко и без её помощи, и мать была уверена, что за этой спиной ей совсем скоро станет легче. Коля был очень привязан к матери, никого из близких больше не было, и Галина была уверена, что сын её не оставит и не подведёт... Когда сын примерял вещи, ютясь в импровизированных примерочных, состоящих из двух деревьев и висящей между ними скатёрки, а потом вылезал оттуда и показывался ей, мать только вытирала слёзы счастья и кивала головой. Так ей всё нравилось. Вещи были добротные, правда, все чёрного цвета, остальные Коля категорически отрицал, не смотря на все многочисленные попытки Галины заставить его примерить красочные, полосатые джемперочки. Они купили ему пару джинсов, рубашки, толстовку, свитер, теплые кроссовки и настоящий пуховик. Этому пуховику мать радовалась больше всего, наконец-то её сын будет зимой прилично выглядеть.... Но больше всего её материнское сердце радовалось тому, что её мальчик не пойдёт в армию. С его сахарным диабетом армия ему не грозила. Страшные вести о войне в Чечне, о дедовщине, рыдающие и протестующие матери молодых солдатиков, погибших в первые же месяцы после призыва, цинковые гробы, эти новости

всё чаще прорывались на телеэкраны и страницы газет. И Галина каждый день благодарила Бога за болезнь, спасающую её сына от этих ужасов. Конечно, её пугало, что Коля так рано уйдёт от неё во взрослую жизнь, но он будет жив, а это для неё было самым главным.

Последний год в школе не пугал Николая – учился он легко, школьные преподаватели привыкли к его стабильности в учёбе и уважали мальчика за то, что он всё успевает без тычков и подгонов. Учителя всегда удивлялись невероятной усидчивости у молодого парня, над которым не довлеют взрослые. После того, как он выжил из школы Пашку Колесова, врагов больше не осталось, да и выпускной класс заставил большинство пацанов, наконец-то подумать об аттестате. Для Николая этот год был труднее, чем у его одноклассников, он готовился поступать в непростой ВУЗ, а в духовную семинарию. Ему приходилось много читать на церковнославянском, учить множество молитв и тропарей. И сразу после получения аттестата в школе он решил поехать послушником в мужской монастырь, а потом поступать в семинарию, которая находилась там же. Без участия отца Алексея здесь не обошлось. Батюшка очень хорошо знал игумена Димитрия, настоятеля монастыря, и объяснил Коле, что это послушание автоматически даст молодому парню благосклонность приёмной комиссии духовной семинарии.

После развала Советского Союза церковь начала бурно восстанавливать свою деятельность. Поднимались новые храмы, реставрировались заброшенные церквушки по крупным деревням и центрам. Семинарии только-только начали возрождаться из пепла. Подготовка и обучение было скрупулезным и очень высокого качества. Кадры готовили сильные, подкованные, с богатыми, глубокими знаниями не только богословских дисциплин, а ещё логики, психологии, иностранных языков и даже философии. Программа обучения здесь включала в себя намного больше предметов, чем в обычном ВУЗЕ, ну а полный пансион семинаристов и определённая обособленность этого высшего учебного учреждения легко превращали этот огромный человеческий коллектив в чёткий, отлаженный, единый организм.

Коля, как мог, успокаивал мать, которая часто плакала, думая о скорой разлуке.

– Мам, сама подумай! Ты сможешь, наконец, немного вздохнуть! Я буду почти на полном обеспечении и тебе можно будет остаться только на одной работе! Я же должен был когда-нибудь повзрослеть! А ты теперь можешь подумать о себе, отоспаться, наконец! Мам, тебе всего сорок, ты отдохни, а потом Бог подскажет, как дальше будет! Я с тобой, мам! Я сделаю всё, чтобы мы жили хорошо, обеспеченно! – Галина слушала своего взрослого сына и верила каждому его слову, но здесь она недоверчиво покачала головой. – Да, мы будем жить БОГАТО!!! Я пока не знаю как, но так будет! Верь мне! – Николай говорил так, как будто это новая богатая жизнь была совсем рядом, он чувствовал её и точно знал, что ещё немного и она настанет.

Глава 11

Петух надрывался долго и истошно, своим сумасшедшим кукареканьем перебудив всю живность Балуево. Вика открыла глаза и ещё долго лежала, слушая, как делятся новостями соседские животные. За открытым окном шумел утренний сад, заноса в комнату свежую прохладу. Даже не глядя на часы, Вика знала, что ещё очень рано. Как не странно, уснула она вчера легко, и великолепно выпалась. Это было удивительно – в Москве Вика засыпала очень тяжело, долго крутясь на постели, считая секунды за тиканьем больших часов, а утренний подъем давался ей ещё тяжелее. Первые полчаса после пробуждения она бродила по квартире с полузакрытыми глазами. А тут, в такую рань, чувствует себя лёгкой и бодрой. И Вика сладко потянувшись, выпростала руки из под тяжелого, пушистого одеяла, повозила ногами, сталкивая его в сторону, и быстро встала... Натянув джинсовые шорты и белую, свободную майку она быстро спустилась вниз. Дом встретил оглушающей тишиной и Вике сразу стало понятно, что встала она первой. Легко, на цыпочках подкравшись к комнате Агафьи, Вика осторожно приоткрыла дверь. Бабушка тихо спала на боку, вытянув правую руку. А на её руке, удобно устроив маленькую головку, устроилась Норка, вытянув передние лапки к Агафье и удобно устроив свою блестящую тушку... Вика тихонько затворила дверь и прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться слишком громко от этого зрелища.

Распахнув большие, стеклянные двери, она вышла на террасу, огляделась и спустилась в сад. Там было так хорошо, свежо, что Вике захотелось размяться. Немного поваляв дурака, она обошла весь садик, подолгу задерживаясь около кустов с цветами и у грядок со свежей зеленью. Всё это великолепие пробудило в ней зверский голод, и она бодренько отправилась на кухню. Такой голодной Вика ещё никогда себя не чувствовала. Найдя самую большую кружку, заварила себе крепкий, сладкий чай, и немного подумав, быстро соорудила два огромных гамбургера из вчерашних картофельных булочек, мяса и сыра, которые нашлись в холодильнике, добавила ещё помидоров и зелени. Зелёный соус сделала из горчицы, свежей зелени, лимона и ароматного подсолнечного масла. Сэндвичи получились высокими, и Вике пришлось немного прижать их рукой. Есть такого гиганта было нелегко, но она решительно приступила к делу, изрядно перемазав щёки вкуснейшим ароматным соусом. За этим занятием её и застали Агафья с Норкой. Вика улыбнулась во весь свой испачканный рот и кивнула Агафье на её экземпляр.

– Доброе утро! Я и для вас сделала! А я такая голодная проснулась! Очень вкусно – попробуйте! – Вика уже подхватила и, спросив какой чай любит Агафья, подала той чашку крепкого дымящегося напитка.

– Ой, дочка, да я ж не осилю! Это ж как тут начать то? – Агафья покрутила в руках гамбургер в руках, потом разделила его наполовину и надкусила. – Ммм, как вкусно то! Вот вроде просто бутерброд! А так необычно, и соус такой! Остренький! – Агафья тихонько засмеялась. Смеялась она тоненько, потешно булькая, и так заразительно, что Вика расхохоталась, показывая на бабушкино лицо, тоже здорово измазавшееся в соусе.

Норка, которая сидела тут же и намываясь лапками, вдруг громко и возмущенно мявкнула, прервав свой утренний туалет. Агафья сразу перестала улыбаться.

– И то правда, Норушка, чего это я? Только сына схоронила и смеяться вздумала! Вот жизнь какая – человек уходит, а его близкие продолжают жить дальше. Ты, доченька, такая светлая, что я перестала чувствовать себя одинокой в этом доме! Даже поспала сегодня без лекарства. Спасибо, что приехала! – у старушки опять на глазах блеснули слёзы, и она отёрла их сухой, маленькой ладошкой. Чай они всё-таки допили, потом Агафья стала кормить кошку, а Вика убирать со стола...

Потом приходила соседка с козой – принесли большую двухлитровую банку молока, а заодно и Агафью проведать. Увидев бодрую старушку и, суетившуюся на кухне с посудой, Вика соседка приободрилась. Поташив за собой упирающуюся козу, заторопилась докладывать новости другим соседям. После плотного завтрака Вика расслабленно отправилась на террасу, Норка, немного подумав, двинулась за ней, а Агафья отправилась в дальнюю комнатку, дверь которой схоронилась под лестницей.

Вика уселась на ступеньке широкого крыльца террасы, поглаживала гладкий бок Норки, развалившейся рядом на солнышке, и решала чем же ей заняться до вечера. Долго думать не пришлось – Агафья появилась в дверях, неся целую кипу каких-то бумаг и несколько тёмных то ли книг, то ли тетрадей. Всё это богатство венчала толстая большая книга с тончайшей, металлической отделкой. Именно в эту книгу упирался Агафьин подбородок, от неудобства старушка смешно побряхтывала. Вика быстро подскочила, вызвав недовольное ворчанье Норки, и приняла у бабушки её драгоценный груз.

– Бабушка, что ж вы не позвали меня! Тяжело же!

– Деточка, ты меня вот давеча спрашивала об отце! Вот это всё от него. Давай устроимся с тобой здесь, на терраске, клади всё на столик! И давай договоримся – зови меня на ты! А то взялась выкать, чай не чужие мы с тобой!

– Простите! Ой, хорошо, бабушка, перестроюсь! Только вот места то нам тут не хватит! – столик и правда уже был завален рукописями, которые грозилась свалиться на пол. Вика принесла из комнаты стул и разместила половину бумаг на нём. Пришлось им ещё притащить кресло из гостиной для Агафьи и теперь им было очень удобно.

– Так вот, внученька, я постараюсь рассказать тебе всё, что знаю! Понимаешь, не дают мне покоя мысли о странной смерти Васеньки. Я, конечно, не могу сказать, что он был здоров как бык, но для 62 лет был мужчиной очень сильным. Мне кажется, началось всё полгода назад – когда к нам заявился этот отец Николай. Его поставили на приход в нашем районе. Он пришёл к нам, представился, всё вроде так чинно, и сказал, что узнал, мол, что мы семья бывшего настоятеля здешней церкви. Ну и запел соловьём! Уж очень его интересует история церкви, история моего отца – твоего прадеда, значит! Особенно, как здесь всё было в двадцатые годы, в самый страшный момент для священнослужителей. Якобы, книгу он пишет об этом и по всем бывшим приходам тоже ездит. Вообще, говорил много, красиво, но до того он мне сразу не понравился, что и передать тебе не могу.

– Бабушка, так может правда книгу человек пишет! – Вика слушала внимательно, обнимая одной рукой под брюшко кошку, опять устроившейся у неё на коленях, а другой приоткрыв большую книгу в металлическом переплёте.

– Да, нет! Деточка, не ошибаюсь я в людях то! Уж больно долго живу, да и много пережила, разных людей встречала! А у этого-то внешность какая-то невзрачная, неприятная, глаза беспокойные, нет добра в них, понимаешь! Это я сразу чувствую! Так вот, начал он о записях отца спрашивать, а у меня, прямо сразу, сердце то и зануло. Василий, смотрю, тоже напрягся. А Николай то этот как-то сразу уловил это, умный гад! И давай напирать то на нас – мол, таких образованных священников, каким был ваш отец, сейчас мало. И если он писал что-то для себя, или для духовной прессы, то это очень ценно для церкви, для православных. Ну и что-то ещё в этом роде. Отец то мой, и правда, кроме семинарии, ещё и духовную академию в Москве закончил. Ему прочили большое будущее, он писал много статей, мог защититься и делать карьеру в церкви, но он уже давно встретил мамочку и решил пойти по белому пути.

– Бабушка, это как по белому пути? Что это значит?

– Ты же правнучка священника! – ахнула Агафья – и не знаешь, что есть чёрное монашество и белое! Ну да ладно! Мне то отец это рассказывал, а тебе кто мог рассказать. Так вот, как бы попроще тебе объяснить то? Чёрное монашество – это те, кто отрекается от всего мирского, дают такие обеты, и проходят через рукоположение, только из чёрного монашества

назначают на высокие посты в церкви. Или можно выбрать белый путь – это нужно сделать перед рукоположением в дьяконы, жениться на хорошей девушке, девушку должен твой наставник одобрить, а потом его уже рукоположат и назначают на приход. Белые, они все на приходах, чёрные на приходах редкость. Вот этот Николай – он в чёрном монашестве, а всё ж таки на приход поставили, а может сам захотел... – Агафья тут замолчала, задумалась о чём-то, Вика в нетерпении завозилась в кресле, потревожив Норку, которая возмущенно зашипела и соскочила с её колен. А Агафья снова начала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.